

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

КРАХ ОАС

П. П. Черкасов

В начале 1961 г. во Франции действовали 46 подпольных организаций крайне правого толка. В марте того же года службы безопасности V республики зарегистрировали 47-ю нелегальную группу. Она носила претенциозное название — «Секретная вооруженная организация», или сокращенно ОАС (*Organisation armée secrete*). Вряд ли полицейские чиновники могли тогда предполагать, что на протяжении полутора лет борьба против ОАС отвлечет значительные силы разветвленного и многочисленного полицейского аппарата буржуазной Франции. Возникновение и вся история ОАС неразрывно связаны с алжирской войной — последней из колониальных войн Франции, с окончанием которой была закрыта и одна из заключительных страниц длинной летописи французской колониальной империи. ОАС была порождена войной в Алжире, а «канула в Лету» вслед за ее бесславым окончанием весной 1962 года. Чтобы отчетливее уяснить причины возникновения, первых успехов и последовавшего вскоре краха ОАС, остановимся сначала на предшествовавших событиях.

1 ноября 1954 г.: в Алжире вспыхивает вооруженное восстание за свержение 130-летнего колониального гнета, подготовленное Фронтом национального освобождения (ФНО). 3 апреля 1955 г.: французское правительство вводит в Алжире военное положение. 2 февраля 1956 г.: демонстрация европейского населения г. Алжира по случаю ухода с поста генерал-губернатора Алжира, кумира местных «ультра» Ж. Сустеля. 6 февраля 1956 г.: «ультра» забросали гнилыми помидорами и камнями председателя совета министров Ги Молле, прибывшего в Алжир. Представитель более консервативных кругов Р. Лакост назначается на пост министра-резидента в Алжире вместо генерала Ж. Катру, пользовавшегося репутацией «либерала» в колониальных делах. 16 января 1957 г.: покушение «ультра» на главнокомандующего французскими войсками в Алжире генерала Р. Салана, считавшегося тогда среди них чересчур «мягким» (так называемое «Дело о базуке»). 13 мая 1958 г.: военный путч в Алжире и падение IV республики во Франции. 11 ноября 1959 г.: демонстрации европейского населения Алжира против президента де Голля, признавшего право алжирцев на самоопределение. 24 января — 1 февраля 1960 г.: «Неделя баррикад» в г. Алжире. В результате вооруженных столкновений между «ультра» и жандармерией 22 чел. убиты, около 200 ранены. Руководители путчистов П. Лагайярд, Ж.-Ж. Сюзини, Ронда и Демарке, освобожденные до суда из-под стражи, скрываются в Испанию. 11 ноября 1960 г.: новые столкновения между европейцами и «службой порядка» в г. Алжире. 9—10 декабря 1960 г.: воинственные демонстрации европейского населения г. Алжира против алжирской политики де Голля. Таковы некоторые события, предшествовавшие рождению ОАС.

Уже через полтора года после начала военных действий в Алжире общественное мнение во Франции четко разделилось на два лагеря — сторонников и противников независимости Алжира¹. В одном лагере собрались твердолобые «ультра» всех

¹ О позиции политических партий во Франции по алжирской проблеме см.: Ю. В. Шировский. Борьба Французской коммунистической партии против войны в Алжире. М. 1962; Ю. И. Рубинский. Пятая республика (политическая борьба во Франции в 1958—1963 годах). М. 1964; его же. За кулисами Бурбонского дворца (кризис буржуазного парламентаризма во Франции после второй мировой войны). М. 1967.

окрасок и течений, не допускавшие и мысли о возможности выпадения Алжира из сферы господства Франции. Ядром «ультра» являлись крупные землевладельцы и плантаторы-французы, предки которых обосновались в Алжире еще в XIX веке. «Ультра» опирались на сотни тысяч европейских поселенцев (так называемых «черноногих») — служащих, мелких собственников, ремесленников, торговцев, боявшихся потерять свои привилегии в результате победы Алжирской революции. Прочную опору «ультра» составляла армия, и прежде всего колониальные войска, по своим узко корпоративным соображениям заинтересованные в сохранении статус-кво в Алжире. В противоположном лагере спектр политических сил был иным: от коммунистов, всегда выступавших за предоставление полной независимости колониальным народам, до левоцентристских партий и группировок, проявлявших колебания и непоследовательность в этих вопросах, но в конечном счете определивших свое негативное отношение к алжирской войне.

По мере углубления конфликта в Алжире растущее недовольство проявляла определенная часть крупной французской буржуазии, ориентированная на развитие процессов интеграции в Западной Европе и считавшей войну в Алжире нерентабельной или даже вредной для экономики Франции. Последняя тенденция начала усиливаться с приходом к власти во Франции правительства де Голля, который уже в середине 1959 г. сделал твердый вывод о бесперспективности продолжения алжирской войны. Новый этап алжирской политики де Голля начался после его выступления по радио и телевидению 19 сентября 1959 г., когда он впервые официально признал право алжирцев на самоопределение. Новая политика требовала новых людей тем более, что многие давние соратники генерала, такие, например, как Ж. Сустьель, в корне разошлись с ним в этом вопросе. Особое беспокойство вызывала у де Голля армия, размещенная в Алжире. Ее руководители открыто критиковали алжирскую политику правительства. «Неделя баррикад» окончательно расколола правящий лагерь. Сустьель был снят с поста государственного министра, а затем исключен из рядов ЮНР (голлистская партия «Союз защиты новой республики»). Одновременно из партии вышел ряд ее видных деятелей, не согласных с политикой де Голля. Был смещен с поста командующего войсками и суперпрефекта г. Алжира генерал Ж. Массю, открыто выступивший в западногерманской газете «Süddeutsche Zeitung» с нападками на де Голля. В июне 1960 г. был уволен в отставку генерал Р. Салан, в то время один из лидеров алжирских «ультра». Заявление де Голля 19 сентября 1959 г. послужило сигналом для перехода «ультра» в открытое наступление. Первой фазой этого наступления явилась «Неделя баррикад»; возникновение ОАС и апрельский путч 1961 г. в Алжире стали второй фазой.

...Мадрид, февраль 1961 года. Здесь под покровительством Серрано Суньера, родственника диктатора Франко, обосновались почти все лидеры алжирских «ультра» — Лагайярд, Сюзини, д-р Лефевр, А. Аргу. Еще в конце 1960 г. к ним присоединился Салан. Выйдя в отставку, Салан добивается разрешения поселиться в Алжире. На приеме в Елисейском дворце 8 июня он получает согласие президента, 3 августа обосновывается в столице Алжира, но уже 19 сентября его высылают отсюда за антиправительственную деятельность. Оказавшись в Париже под надзором полиции, Салан строит план побега, который ему удастся осуществить 30 октября, когда он в сопровождении своего адъютанта капитана Ж. Ферранди переходит испанскую границу и затем прибывает в Мадрид. «Я ожидал момента, когда станет возможным вернуться в Алжир и возобновить там борьбу против ФИО»², — скажет позднее Салан на своем судебном процессе. В Мадриде Салан устанавливает контакты с организаторами «Недели баррикад».

Ночью 11 февраля 1961 г. в квартире капитана Ферранди раздался звонок. Капитан не без удивления увидел перед собой Ж.-Ж. Сюзини. Бывший лидер алжирских студентов взволнован и требует выслушать его. Капитан приглашает неожиданного гостя пройти в комнату и терпеливо выслушивает длинную и страстную речь Сюзини о необходимости объединения всех сторонников «французского Алжира» в

² «Le procès du général Raoul Salan. Sténographie complète des audiences, réquisitoires — plaidoiries — verdict». P. 1962, p. 80.

одну организацию. Сюзини говорит, что ее ядро создано. Есть у нее и название — ОАС. «Я уже отдал приказ верным людям украсить стены Алжира этими тремя буквами»³, — завершил свою речь Сюзини. На следующее утро Ферранди доложил о содержании ночной беседы своему шефу. Салан скептически отнесся к известию о появлении новой подпольной организации. «Бедные алжирцы, — с улыбкой заметил он, — они уже состоят в ЮСРАФ, ФАФ, ФНФ (шовинистические организации алжирских «ультра». — П. Ч.). С этой ОАС они никогда не добьются признания. Но в конце концов, если это забавляет и дает возможность дожидаться лучшего, то пусть они занимаются этим»⁴.

Первые известия о действиях ОАС, полученные в феврале, не изменили позиции Салана. Он по-прежнему продолжал считать ее создание несерьезным мероприятием. Сообщение об аресте террористической группы капитана Суэтра, которая не успела осуществить ни одной акции, еще более усилило сомнения Салана⁵. Пока он определял свое отношение к ОАС, ее организаторы развернули бурную деятельность по устройству подпольной сети в Алжире, куда во второй половине марта были направлены 4 эмиссара. Используя старые связи, посланцы из Мадрида установили контакты с нужными людьми. К середине апреля численность ОАС возросла до 300 чел. (первое время в ней состояло не более 10 чел., включая руководителей)⁶. Весенние дни принесли в Мадрид новости о деятельности ОАС. 28 февраля по телефону мадам Салан сообщила мужу из г. Алжира, что группа молодых людей исписала стены их виллы непонятными ей буквами — ОАС. 4 марта в столице Алжира распространяются антиправительственные листовки, подписанные ОАС. 19 марта мэр г. Эвиана, где должны начаться франко-алжирские переговоры, Ж. Блан получает от ОАС угрожающее письмо, заканчивающееся словами «Да здравствует французский Алжир!». 21 марта происходит взрыв в здании банка Ротшильда в Париже. Любопытно, что Ж. Помпиду, находясь в должности генерального директора банка, одновременно вел в Швейцарии переговоры с представителями Временного правительства Алжирской республики. В конце марта учащаются взрывы пластиковых бомб в городах Алжир, Оран, Орлеанвиль. При взрыве в Эвиане погиб и мэр города социалист Блан.

Но статья дееспособной ОАС в этот период не смогла. Отсутствовала не только широкая политическая программа, но даже конкретные планы на ближайшее будущее. Не было сильного и авторитетного руководства, а структура организации оставалась неопределенной. Наконец, ОАС вплоть до лета 1961 г. вообще не имела массовой опоры. В целом в апреле 1961 г. ОАС представляла собой одну из многих подпольных организаций с ограниченным числом членов и рыхлой структурой, руководимую извне группой соперничавших между собою лидеров. К тому же она не пользовалась на первых порах поддержкой ни в массе европейских поселенцев, ни со стороны алжирских верхов. Реакция в то время делала ставку не на узкую законспирированную организацию, а на подготовку широкого военного выступления. Недели с февраля по апрель были для ОАС стадией становления: ОАС формируется и ждет своего часа.

...В ночь на 22 апреля в столице Алжира затрещали выстрелы. Подразделения парашютистов по приказу прибывших специально в Алжир генералов М. Шаля, А. Зеллера и А. Жуо без особого труда овладели официальными зданиями местной столицы и арестовали находившихся там военных и политических руководителей голянетской администрации. Начался давно готовившийся реакцией военный путч. Утром 23 апреля к путчистам присоединяется Салан, прибывший из Испании в сопровождении Сюзини и Ферранди. Для Лагайярда и других членов мадридской группы «не нашлось места в самолете». Так, во всяком случае, объяснил Салан. Мятеж генералов всколыхнул Францию. Демократические силы страны потребовали от правительства принятия решительных мер. 24 апреля 12 млн. французов начали заба-

³ J. Ferrandi. 600 jours avec Salan et l'O.A.S. P. 1969, p. 104.

⁴ Ibid., p. 105.

⁵ «Organisation armée secrète». T. 1. P. 1963, p. 2.

⁶ R. Buchard. Organisation armée secrète. T. 1. P. 1963, pp. 11—12; A. Nicol. La bataille de l'O.A.S. P. 1962, p. 27.

ставку протеста против путча. Президент де Голль ввел в действие статью 16 конституции, предоставившую ему широкие полномочия, и вечером 23 апреля выступил по телевидению и радио с призывом изолировать мятежников. «Во имя Франции, — говорил де Голль, — я приказываю использовать все средства, я подчеркиваю, — все средства, чтобы преградить дорогу этим людям... Француженки, французы, помогите мне!»⁷.

Мятеж не получил поддержки даже в армии, на что рассчитывали его организаторы. Лишь 15 тыс. парашютистов, размещенных в Алжире, поддержали генеральский квартал. В Париже полиция арестовала генерала Ж. Фора, который должен был возглавить намечавшийся там военный путч, и его сподвижников. К исходу дня 24 апреля в Алжир были двинуты крупные контингенты войск. Мятежники поняли, что это конец. 25-го Шаль объявил своим сообщникам о решении прекратить борьбу. К нему присоединился Зеллер. Салан и Жуо, не согласные с капитуляцией, созывают 6-тысячный митинг на Форуме, центральной площади алжирской столицы. Толпа, в основном молодежь, скандирует «Французский Алжир!» и требует продолжения борьбы. К Шалю направляется группа осовцев и настаивает на изменении его решения о капитуляции. Шаль отказывается и угрожает арестовать парламентаров в случае их сопротивления правительственным войскам, уже занявшим центральные кварталы города. К часу ночи толпа, потерявшая надежду повлиять на Шаль, постепенно рассасывается. Вскоре Салан и Жуо, натянув зеленые береты солдат Иностранного легиона, садятся в грузовик и исчезают в ночной темноте. В это же время прячутся и другие руководители мятежа — генерал П. Гарди, полковники А. Аргу, Ж. Бруаза, Ж. Гард, И. Годар, Лашеруа, капитан П. Сержан, лейтенанты Годо и Р. Дегельдр. Сюзини уходит в подполье. Шаль и Зеллер, отказавшиеся бежать, были арестованы в ту же ночь. Так бесславно закончился этот мятеж⁸.

С провала апрельского путча как раз и начинается фактическая история ОАС. 26 апреля в центре алжирской столицы раздался мощный взрыв. На следующий день последовал новый. Напуганные жители вскоре получили разъяснение происшедшего. На стенах домов появились листовки: «Мы только что потерпели поражение. Но оно произошло не по нашей вине, а по вине некоторых военных руководителей, которые не смогли использовать имевшиеся возможности. Это поражение не может быть окончательным. Мы вынуждены уйти в подполье, но наша борьба против предательства наших правителей и их сеидов * будет продолжаться. Мы укрепим наши силы и ожесточим борьбу. Мы должны создать психоз страха у всех голлистских сеидов в Алжире. Они не встретят у нас никакой жалости к себе. Там, где мы сможем их уничтожить, мы это без жалости сделаем. ОАС»⁹. «Так было положено начало подполью — периоду мрачного и упорного сопротивления, руководимого горсткой людей... В течение года оно будет сотрясать колоссального противника, которому мы с гордостью противостояли»¹⁰, — напишет позднее в своей книге Сюзини.

Дышавшая на ладан ОАС приняла в свои ряды остатки разгромленных мятежников. После апрельских событий ОАС полностью меняет политическую окраску. В ней начинает доминировать военный элемент. Уже в мае мадридское руководство ОАС (Лагайярд и др.) было вынуждено констатировать, что организация вышла из-под его контроля. ОАС возглавили новые люди: Гарди, Гард, Годар, Дегельдр, доктор Ж.-К. Пере (Сюзини удалось удержать свои позиции). Они образовали Верховный комитет ОАС и установили контакты с Саланом и Жуо, скрывавшимися в Митидже. Верховный комитет превратился в штаб секретной организации. Члены комитета были законспирированы. Они проживали недалеко друг от друга и регулярно встречались для обсуждения планов действий. «Мои друзья, — писал Сюзини, — приучили себя к строгой подпольной дисциплине, никуда не выходили, проводили свои встречи и осуществляли связь с тысячей предосторожностей»¹¹.

⁷ Ch. de Gaulle. Mémoires d'Espoir. Le Renouveau 1958—1962. P. 1970, p. 114.

⁸ M. Cottaz. Les procès du putsch d'Alger et du complot de Paris. P. 1962; «Le Procès des généraux Challe et Zeller. Textes complets des débats, réquisitoires, plaidoiries, annexes». P. 1961; J. Fauvet, J. Panchet. La Fronde des généraux. P. 1961.

* Подразумеваются «мусульмане-подчиненные».

⁹ «L'Organisation armée secrète». T. 2. P. 1963, p. 7.

¹⁰ J.-J. Susini. Histoire de l'O.A.S. T. 1. P. 1963, pp. 42—43.

¹¹ Ibid., p. 84.

Внешний облик самого Сюзини являл собой образец законченного заговорщика из старых романов. Он перекрашивал волосы, менял прическу, отпускал усы, появлялся на людях то в офицерской форме, то в сутане священника. «Требуемый эффект был достигнут, — с удовлетворением отмечал он в своей книге. — Я ходил по улицам, часто встречая друзей из университета и их родителей, они не узнавали меня»¹². В скором времени Сюзини превратился в главного «теоретика» секретной организации. Поэтому политические взгляды 28-летнего руководителя отдела политических и психологических действий ОАС представляют далеко не биографический интерес. Авторы книги «Фронда генералов» Ж. Фовэ и Ж. Планшэ пишут о Сюзини: «Этот алжирец корсиканского происхождения... подавал себя таким, каким он был, — активистом и фашистом... Синтез, к которому он стремится, давно известен и имеет свое название и историю. Сюзини стоял на пороге нового открытия национал-социализма»¹³. На многих страницах своей объемистой книги «История ОАС» Сюзини пытается отметить обвинения в фашистском содержании политической платформы ОАС. Он употребляет термин «революционная». Мы хорошо знаем, что Гитлер и Муссолини тоже никогда не упускали случая поговорить о «революционном» характере национал-социализма, фашизма. Но об этом ниже.

Первое время руководство деятельностью ОАС осуществлялось Верховным комитетом. Однако вскоре между его членами обнаружилось серьезное разногласия. «Штатское» начальство (Сюзини, Пере) настаивало, в частности, на том, чтобы все силы организации направить на «завоевание толпы, на превращение аморфной и разобщенной массы в революционную армию»; «полковники» считали основной задачей подготовку нового военного путча¹⁴ и требовали установления принципа единоначалия. «Годар, — отмечал в своем дневнике Ферранди, — хочет видеть на всех командных постах только военных. Сюзини и Пере с горячностью защищают позиции штатских. Этот спор между штатскими и военными, по-моему, опасно подрывает и без того непрочное единство штаба организации»¹⁵. Необходимость придания ОАС большей авторитетности диктовала потребность в политическом руководстве, обладавшем влиянием в европейских кругах Алжира. На эту роль наметили отставного армейского генерала Р. Салана, ветерана многих колониальных войн, одного из тех, кто возглавлял путчи в мае 1958 г. и в апреле 1961 г., кумира «черноногих». В письме к членам штаба ОАС Годар в июне 1961 г. сообщал о Салане: «Его присутствие в Алжире было бы символично... Массы населения (европейского. — П. Ч.) не поняли бы того факта, что он не является патроном ОАС, а наши противники не преминули бы это подчеркнуть и использовать против нас»¹⁶.

До апрельского выступления Салан не воспринял всерьез намерений «мадридской группы». Предложение возглавить ОАС было повторено ему сразу же после подавления путча. На протяжении полутора месяцев между Алжиром и Митиджей велись переговоры. В письме к Ферранди и Годару 16 июня Салан информировал их о своем решении встать во главе ОАС. «Я согласился и, верный своему слову, нахожусь в ваших рядах»¹⁷, — писал он. С этого времени Салан становится «главнокомандующим» ОАС. 3 сентября 1961 г. он направил во все отделения ОАС свою первую директиву. В ней, кроме требования об укреплении единства, определялась организационная структура ОАС. В разработке структуры активное участие принял Годар. При этом был использован опыт различных подпольных организаций, в том числе даже таких, как антифашистское Сопротивление и ФНО Алжира, а также сионистская террористическая организация «Иргун цвай леуми». Верховный комитет, возглавленный Саланом (заместитель — Жуо), состоял из трех отделов: организационно-массового (Гард), оперативно-разведывательного (Годар, Пере, Дегельдр), политических и психологических действий (Сюзини)¹⁸. В функции первого отдела входило

¹² Ibid., p. 49.

¹³ J. Fauvet, J. Planchet. Op. cit., pp. 176—177.

¹⁴ J.-J. Susini. Op. cit., p. 79.

¹⁵ J. Ferrandi. Op. cit., pp. 164—165.

¹⁶ J.-J. Susini. Op. cit., p. 137.

¹⁷ «OAS parle». P. 1964, p. 31.

¹⁸ R. Buchard. Op. cit., p. 143; J.-J. Susini. Op. cit., pp. 79—81; J. Ferrandi. Op. cit., p. 189.

ло устройство конспиративных квартир, сбор средств, изготовление фальшивых документов, подготовка отрядов «самообороны». Задача второго заключалась в сборе информации о Фронте национального освобождения и планах парижского правительства в алжирском вопросе. Территория Алжира была разбита на секторы и подсекторы, внутри которых собирались соответствующие сведения. ОАС имела своих осведомителей среди европейского и арабского населения, в администрации, в армии. «Со временем, — пишет Сюзини, — наша разведка все более ориентировалась на контришпионаж, нежели на обычное собирание информации»¹⁹. Помимо разведывательных функций, отдел Годара занимался активной террористической деятельностью. Имелась специальная группа «коммандос Дельта», составленная в основном из дезертиров Иностранного легиона и уголовных элементов и возглавленная лейтенантом Р. Дегельдром, участником сражения под Дьен-Бьен-Фу во Вьетнаме и апрельского путча.

Третий отдел осуществлял разработку политических документов ОАС и пропаганду среди населения Алжира и во французской армии. Распространение оасовских идей было поставлено на широкую ногу. Издавалось два ежемесячных журнала — «Appel de la France» тиражом 75 тыс. экз. и «Les Centurions», предназначенный для офицеров и вышедший 30-тысячным тиражом²⁰. Регулярно печаталось большое количество брошюр и листовок. Типография ОАС была настолько хорошо законспирирована, что ее так и не смогли обнаружить. С августа 1961 г. ОАС постоянно вела пиратские радиопередачи.

В директиве от 3 сентября говорилось об учреждении должности генерального делегата ОАС в метрополии, где организация существовала с конца июня. На эту должность был назначен генерал Ванюксем, а после его ареста в сентябре — капитан П. Сержан. База ОАС в метрополии была, естественно, значительно менее широкой, нежели в Алжире, но сама организация носила более политизированный характер. Свои кадры она подбирала в крайне правых группировках, жаждавших активного действия и добавивших к «алжирской страсти» своих собратьев агрессивный антикоммунизм и открыто фашистскую идеологию. Одна из главных функций ОАС в метрополии состояла в том, чтобы препятствовать переброскам «сил порядка» в Алжир для борьбы с ОАС.

Организация была законспирирована. В переписке ее члены пользовались подпольными кличками. Салан фигурировал в документах ОАС как «Солей», «Элефан» или «Франсис»; Сюзини — «Жанетт», «Жанин», «И-4», «Р-19»; Жуо — «Компаньон», «Солей-бис»; Дегельдр — «Дельта» и т. п. Контакты с членами штаба ОАС осуществлялись через посредников. На Салана практически не было прямого выхода. Число членов ОАС к осени 1961 г. составляло примерно 4 тыс.²¹. Эта цифра не изменилась и в дальнейшем.

Кто же поддерживал ОАС реально? Ферранди отвечал на этот вопрос следующим образом: «Черноногие составляют в конечном счете наш единственный и последний козырь»²². Термин «черноногие» возник потому, что предки европейских поселенцев в Алжире прибыли туда, согласно преданию, босыми, с грязными от пыли ногами. В конце 50-х годов на 9 млн. коренного населения Алжира приходилось 1,075 млн. «черноногих». В годы алжирской войны этот термин приобрел негативное политическое звучание, ибо идеологией и интересами верхушка «черноногих» была связана с колониализмом. Ревниво оберегая свои привилегии в Алжире, она с тревогой наблюдала за эволюцией алжирской политики де Голля, которая постепенно приближалась к признанию независимости Алжира. Любыми путями эти люди пытались воспрепятствовать этому, объединяясь в различные шовинистические организации, вся политическая программа которых сводилась к лозунгу «Французский Алжир!», а также активно участвуя в мятежах и заговорах против республики. После поражения апрельского путча, когда на политическом горизонте возникли контуры франко-алжирского соглашения, «черноногие» обратили свои надежды на ОАС. Один из оасовских историографов писал: «ОАС в г. Алжире вполне могла рассчитывать на формирование примерно 10

¹⁹ J.-J. Susini. Op. cit., p. 172.

²⁰ A. Nicol. Op. cit., p. 72.

²¹ J.-J. Susini. Op. cit., p. 93.

²² J. Ferrandi. Op. cit., p. 134.

полнокровных батальонов»²³. В руководстве ОАС «черноногие» были представлены двумя уроженцами этого города: бывшим президентом ассоциации алжирских студентов Сюзини и доктором Ж.-К. Пере.

Вторым социальным компонентом, входившим в ОАС, являлись колониалистские круги армии, выступавшие за сохранение французского колониального режима. Все без исключения военные руководители ОАС — это генералы и офицеры именно колониальных войск. Приведем несколько имен. Салан: 43 года прослужил в колониальных частях, где прошел путь от лейтенанта до генерала и главнокомандующего французскими войсками в Алжире²⁴. Его заместитель по ОАС генерал ВВС А. Жуо («черноногий генерал», как его называли за оранское происхождение) командовал 5-м округом ВВС в Алжире. Генерал П. Гарди: ветеран колониальных кампаний в Леванте и Марокко, бывший генеральный инспектор Иностранного легиона. Полковник И. Годар: 5 лет провел в Индокитае, где во главе парашютного батальона участвовал в боевых действиях против вьетнамских патриотов; в 1958—1960 гг. являлся директором службы безопасности в Алжире. Биографии других оасовцев из числа военных примерно идентичны. Значительный процент в кадрах ОАС составляли деклассированные элементы: дезертиры, бывшие легионеры с сомнительным прошлым, уголовники, уцелевшие после второй мировой войны нацисты французского и немецкого происхождения. Именно они составили костяк печально известной многочисленными террористическими актами «коммандос Дельта».

Как всякая политическая организация, ОАС должна была иметь собственную программу. Правда, оасовские боссы предпочитали не раскрывать своих карт, опасаясь соответствующей реакции общественности. Документы, предназначенные ими для оглашения либо для «истории», умалчивали об истинных целях ОАС. Первые ее программные документы относятся к лету 1961 г. («Платформа», составленная Гарди). Уже в то время ОАС без обиняков заявляла: «Мы не академическая оппозиция»²⁵. В директиве от 20 октября 1961 г. подчеркивалось: «Сопrotивление (так шефы ОАС именовали свою организацию. — П. Ч.) является не политическим движением, а биологическим взрывом нации без каких-либо политических амбиций»²⁶. Подобные заявления имели своей целью замаскировать фашистско-колониалистский, антинародный и антикоммунистический характер ОАС. Эту сторону дела приходилось скрывать, ибо во Франции, где фашизм не имел глубоких корней, а демократические и революционные традиции всегда были сильны, провозглашение нацистских идей могло только оттолкнуть широкие массы. Оасовские лидеры, понимая это, не упускали случая опровергнуть обвинения в фашизме и вменяли отделениям на местах «добиваться, чтобы Сопrotивление предстало в метрополии и за границей в своем подлинном свете, а не как фашистское движение»²⁷.

Реакционер и колониалист, исключенный из голлистской партии ЮНР и примкнувший впоследствии к ОАС, Ж. Сустель в книге «Преданная надежда» также пытается утверждать, что обвинение ОАС в фашизме — это «пропагандистское утверждение», которое «ни в коей мере не соответствует действительности»²⁸. Во всех открытых документах и публичных высказываниях оасовских вождей настойчиво проводилась мысль о том, что цели ОАС ограничиваются сохранением Алжира под французским суверенитетом. Внешне оно как будто бы так и выглядело, ибо ОАС возникла на алжирской почве, боролась против ФНО, критиковала алжирскую политику де Голля, но «не посягала» на основы республики. Однако принятие последнего обстоятельства «на веру» как раз и явилось бы глубоким заблуждением. Борьба за французский Алжир и борьба против республики были для ОАС неразрывно связаны. Противобудствуя алжирской политике де Голля, она рассчитывала путем срыва франко-алжирских переговоров в Эвиане добиться ухода де Голля и падения V республики.

²³ A. Nicol. Op. cit., p. 116.

²⁴ R. Salan. Mémoires. Fin d'un Empire. T. 1: «Le sens d'un engagement (juin 1899 — septembre 1946)». P. 1970; t. 2. «Le Viêtminh mon adversaire (octobre 1946 — octobre 1954)». P. 1971; t. 3: «Algérie française (1 novembre 1954 — 6 juin 1958)». P. 1972.

²⁵ «OAS parle», p. 41.

²⁶ Ibid., p. 108.

²⁷ Ibid.

²⁸ J. Soustelle. L'Espérance trahie (1958—1961). P. 1962, p. 317.

В секретной инструкции штаба ОАС от 20.X.1961 г., озаглавленной «Ситуация и план действий», рассматривались три возможных варианта ликвидации V республики: военный путч, физическое устранение де Голля, свержение его правительства парламентом. По поводу первого варианта говорилось: «Риск большой, а шансов мало. Такой путь вызвал бы единодушный или почти единодушный протест со стороны армии, профсоюзов и парламентариев. Апрельское выступление показало слабости подобной операции»²⁹. Устранение де Голля представлялось авторам инструкции «малоправдоподобным». Тем не менее возможность убийства президента была зарезервирована. Но по поводу третьего варианта отмечалось, что «свержение голлистского режима парламентом зависит в сложившейся обстановке от выполнения главного обещания де Голля — решения алжирского вопроса. Если переговоры (в Эвиане. — П. Ч.) будут безрезультатными, то падение де Голля неизбежно. В противном случае он укрепит свою власть»³⁰. Практический вывод оказался следующим: «Любыми средствами помешать успешному ходу переговоров..., добиться свержения системы»³¹.

Таким образом, алжирская проблема была тем звеном, потянув за которое, ОАС рассчитывала осуществить более широкие задачи. О необходимости пересмотра республиканских ценностей говорилось и в других документах ОАС. Небезызвестный капитан Сержан, руководитель ОАС в метрополии, откровенно признал в интервью кёльнскому еженедельнику, что главная задача ОАС заключается «в коренном пересмотре всей французской внутренней политики»³². Разумеется, ОАС боролась против V республики отнюдь не в целях возрождения IV, падению которой основатели ОАС сами немало содействовали в мае 1958 года.

В руководстве ОАС не было единого мнения относительно будущего конституционного устройства Франции. После разгрома ОАС, когда стала известна часть ее архивов, были обнаружены два конституционных проекта³³. Первый проект выдержан в духе конституции 1958 года. Это позволяет предполагать, что он был составлен одним из авторов этой конституции, например, Ж. Сустелем. В документе подчеркивалось, что «дело, совершенное с мая до октября 1958 г. (то есть от путча 13 мая до одобрения новой конституции в ходе референдума 28 сентября. — П. Ч.), это доброе дело, которое должно быть продолжено»³⁴. В другом месте говорится, что «речь идет не о том, чтобы заменить конституцию 1958 г., а лишь пересмотреть ее»³⁵. В проекте намечалось ограничить права президента, прерогативы парламента и соответственно расширить полномочия главы правительства. Второй проект, который имел значительно больше сторонников в ОАС, был по содержанию авторитарнее. Он назывался «Хартия политической и конституционной ориентации» и отдавал «предпочтение президентскому режиму»³⁶. По поводу прерогатив президента отмечалось: «Необходимо расширить их во всех областях, где вмешательство президента республики еще не предусмотрено»³⁷. Члены правительства должны быть ответственны исключительно перед президентом.

Для привлечения на свою сторону рабочих авторы хартии включили в нее требование национализации крупных предприятий. На тех предприятиях, которые остаются в частном секторе, «трудящиеся должны быть приобщены к разделу прибылей, а их участие в капиталах должно поощряться»³⁸. Что касается Алжира, то он рассматривался как французская провинция. Характерно, что по второму проекту «должны быть распущены все марксистские партии, как бы они ни назывались»³⁹. Деятельность

²⁹ «OAS parle», p. 106.

³⁰ Ibid., pp. 106—107.

³¹ Ibid.

³² «Neue Illustrierte», 24.I.1962.

³³ Многие документы, в том числе упомянутые проекты, были переданы оставшимися на свободе оасовцами для опубликования. Мотивы таких действий очевидны: попытаться реабилитировать ОАС перед историей. Отсюда — необходимость критического отношения к этим бумагам.

³⁴ «OAS parle», p. 144.

³⁵ Ibid., p. 145.

³⁶ Ibid., p. 154.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid., p. 156.

³⁹ Ibid.

других партий допускалась. Вообще антикоммунизм, наряду с ультраколониализмом, составлял одну из главных черт ОАС, которая демонстративно надевала на себя доспехи антикоммунизма. В письме к Ги Молле от 4 февраля 1962 г. Сержан, отвечая на обвинения со стороны лидера СФИО в фашизме, заявлял: «ОАС борется за то, чтобы защитить Францию, Европу и весь свободный мир от коммунистической угрозы, от советизации Алжира в случае прихода к власти там ФНО... Всеобщая угроза исходит из двух источников — ФНО в Алжире и коммунистической партии в метрополии»⁴⁰. Тот же Сержан в интервью западногерманскому журналу подчеркивал, что «движение ОАС направлено... против коммунистов»⁴¹. Не было случайностью поэтому обстоятельство, что большая часть террористических актов ОАС в метрополии была совершена против коммунистов.

Несмотря на все старания руководства ОАС замаскировать профашистский характер организации, ее практическая деятельность, отмеченная кровью и жизнями сотен алжирцев и французов — коммунистов и голлистов, социалистов и клерикалов, говорит сама за себя. К характеристике кровавых деяний ОАС мы и переходим. В недолгой ее истории можно четко проследить четыре этапа, каждый из которых обладал определенными особенностями. 1-й этап (февраль — август 1961 г.) — рождение и оформление ОАС; 2-й этап (сентябрь — декабрь 1961 г.) — «время иллюзий» для ОАС; 3-й этап (январь — март 1962 г.) — «эскалация насилия» и борьба за срыв Эвианских соглашений; 4-й этап (апрель — июль 1962 г.) — поражение. Вместе с тем на всех четырех этапах тактика ОАС включала в себя постоянно террор и пропаганду. Начального периода существования ОАС мы уже коснулись. Обратимся теперь ко второму этапу.

Осень 1961 г. была для ОАС как бы периодом расцвета. Организация обрела видимость единства. Власть Салана и его штаба никем внутри не оспаривалась. «Мадридская группа» Лагайярда, лишенная опоры, признала в ноябре 1961 г. первенство Салана⁴². Большинство европейского населения крупных городов Алжира оказывало организации содействие. ОАС провела ряд массовых антиправительственных демонстраций в Алжире: «День кастрюль» 23 сентября, «День знамен» 25 сентября, «День уличных заторов» 28 сентября. Еще 5 августа днем обычная передача радиостанции «Франс-V» внезапно прервалась. Голос неизвестного диктора объявил: «Говорит радио французского Алжира! ОАС решила прервать передачу голлистского радио. Сейчас с вами будет говорить уполномоченный армейского генерала Салана, генеральный инспектор Иностранного легиона генерал Гарди». В течение 10 минут Гарди пропагандировал оасовские идеи, нападал на правительство де Голля и закончил речь призывом поддержать ОАС⁴³. Речь Гарди была записана на пленку, а сам он слушал радиопередачу в своей квартире. То была первая пиратская радиопередача ОАС. В дальнейшем такие передачи станут постоянным фактором политической жизни Алжира.

Стремясь мобилизовать «черноногих» на борьбу, ОАС издала 29 июня 1961 г. приказ, запрещающий всем европейцам выезжать в отпуска за пределы своих городов. Вот текст этого беспрецедентного по наглости документа: «ОАС — III Зона — Штаб. ОАС напоминает в последний раз, что она запрещает всем жителям Алжира покидать его территорию на период летних отпусков, за исключением серьезных случаев по состоянию здоровья. ОАС будет располагать полным списком всех тех, кто нарушит этот приказ, и квартиры отпускников после соответствующего расследования будут пластифицированы (взорваны. — П. Ч.). Те, у кого имеются уважительные причины, должны объяснить их в записке, прочно прикрепленной к двери жилища. Недопустимо, чтобы в то время, как одни оставались здесь и боролись за спасение Алжира, другие прохлаждались»⁴⁴. Запрет действительно возымел действие: «черноногие» побоялись нарушать приказ.

За короткий срок ОАС ввергла Алжир в обстановку страха и террора. Обывателю внушалось, что оказание помощи ОАС — его священный долг, а невыполнение ее при-

⁴⁰ Ibid., p. 192.

⁴¹ «Neue Illustrierte», 24.I.1962.

⁴² «L'Organisation armée secrète». Т. 1, p. 16.

⁴³ R. Uchard. Op. cit., pp. 147—148; «OAS parle», pp. 52—53.

⁴⁴ «L'Organisation armée secrète». Т. 2, p. 8.

казов повлечет за собой суровое наказание. В конце сентября ОАС распространила обращение к населению, в котором говорилось: «Вы должны содействовать сотням подпольных специалистов, которые всеми средствами ведут борьбу за французский Алжир... Все, кто хотя бы невольно окажется виновным в аресте патриота, ответят за это своим имуществом, а предатели поплатятся жизнью»⁴⁵. ОАС регулярно вывешивала списки репрессированных ею лиц, отказавшихся выполнить свой «долг», а также фамилии людей, приговоренных ОАС к смертной казни. Это влияло на настроения и поведение европейского населения Алжира, сочувствовавшего оасовцам, что затрудняло борьбу с ОАС. Правительство, обеспокоенное активизацией ОАС, а также перед лицом решительных требований демократических сил покончить с преступной деятельностью ОАС, начало предпринимать соответствующие меры. Полицейские силы в Алжире пополнились специальными бригадами анти-ОАС, составленными частично из добровольцев. Однако борьба с ОАС сначала велась вяло и не приносила эффективных результатов. «Силы порядка» находились в оборонительной позиции, что не удивительно, если учитывать насыщенность тогдашнего военно-административного аппарата в Алжире оасовскими осведомителями.

Первой жертвой оасовцев из среды французской администрации стал полицейский комиссар Р. Гавури, проявлявший настойчивость в борьбе с ОАС. Он был зарезан в собственной постели 31 мая 1961 года. Такая же судьба постигла комиссара Уамри. Группа террористов проникла в его виллу. Там в саду играл мальчик. Его попросили позвать комиссара. Когда тот вышел на балкон, раздался выстрел, оказавшийся неудачным. Уамри тотчас бросился в комнату, а бандит ретировался. Однако 31 августа тот же террорист настиг комиссара на проезжей дороге и застрелил его в автомобиле. 20 сентября был убит преемник Гавури полицейский комиссар Гольденберг. 9 ноября в Эль-Биаре командос совершили налет на кафе, где собирались видные чины полиции. Там в это время находилось командование бригады анти-ОАС, прибывшей из Парижа. Ее шефа, комиссара Грассьена спасло чудо, но его помощника Жубера прошили очередью из автомата. Бригаду срочно эвакуировали в Париж⁴⁶. 22 сентября убийством майора Перрэ ОАС начала террор против представителей армии. Позднее, 20 ноября, в столице Алжира был убит генеральный секретарь алжирской федерации СФИО В. Леви. Обеспокоенный широким резонансом, который вызвала эта акция, Салан публично отрекся от нее и даже направил Ги Молле письмо по этому поводу.

С осени 1961 г. Алжир и Франция буквально сотрясались от взрывов пластиковых бомб. Изготовленная из тринитротолуола с добавлением связующего вещества, взрывчатка становится похожей на замазку; ей можно придать любую форму и прикрепить практически в любом месте. В качестве взрывателя употреблялись приборы с часовым механизмом или химические и электрические детонаторы замедленного действия. «Пластик» имелся только на армейских складах, и ОАС добывала его именно там. В одном из таких складов оасовцы похитили летом 1961 г. 4 132 кг «пластика» и 1 тыс. электрических детонаторов. Взрывы бомб стали основой тактики устрашения, проводившейся ОАС. Лишь с 20 июня по 20 июля 1961 г. раздалось 380 таких взрывов на территории Алжира⁴⁷.

ОАС могла осуществлять широкую деятельность, только располагая значительными денежными средствами. Они пополнялись за счет различных источников. Первоначально организацию субсидировала верхушка «черноногих» — крупные земельные собственники и финансовые тузы. Но вскоре они постарались переложить это бремя на плечи других. Секретная директива ОАС от 9 июля 1961 г. установила новый порядок сбора фондов — «добровольные» пожертвования населения. В каждый район Алжира и метрополии («подсектор») назначался комендант по сбору взносов у активистов и сочувствующих ОАС. Размер взноса зависел от доходов лица, но в любом случае должен был составлять не ниже 1 тыс. старых франков ежемесячно⁴⁸. Причем в директиве отмечалось, что «активисты и сочувствующие могут при желании оказать ОАС поддержку в больших размерах»⁴⁹. Фактически речь шла о беззастенчивом обложении

⁴⁵ «OAS parle», p. 114.

⁴⁶ R. Buchard. Op. cit. T. 2. P. 1963, p. 29.

⁴⁷ J.-J. Susini. Op. cit., p. 211.

⁴⁸ Ibid., p. 177.

⁴⁹ Ibid., p. 179.

населения незаконным налогом. Учитывая ту обстановку массового террора, которую ОАС создала в Алжире, нетрудно догадаться, что грозило лицам, уклонившимся от уплаты «взносов». Вымогательству ОАС не было предела. Коммерсант и рабочий, владелец кафе и лавочник могли одинаково оказаться перед этой угрозой. Объектом шантажа стала даже известная киноактриса В. Бардо, которая в ноябре 1961 г. получила письмо с требованием уплаты в фонд ОАС 50 тыс. новых франков: «Немедленно по получении настоящего письма вы должны быть готовы вручить деньги любому, кто явится к вам по поручению Жана Франса»⁵⁰. Письмо, подписанное начальником финансового отдела ОАС Ж. Ленуаром*, заканчивалось такими словами: «Невыполнение данного распоряжения повлечет за собой принятие мер со стороны групп особого назначения ОАС»⁵¹. Наконец, третьим источником пополнения денежных фондов ОАС стали государственные и частные банки, откуда оасовцами было похищено 4 млрд. франков⁵². Сюзини, постоянно сетовавший на недостаточность выделяемых ему средств, только в мае — июле 1961 г., по его собственным словам, израсходовал «на общее дело» 6,5 млн. франков⁵³.

Деятельность ОАС была бы невозможной, если бы организация не пользовалась поддержкой определенных кругов в Алжире и в метрополии. Она имела фактическое представительство в Национальном собрании в лице участников пресловутых «венсенских коллоквиумов» во главе с Сустелем, Ж. Видо, Р. Дюше и Ж. Валантеном, сплотившимися в парламенте под вывеской «Национальная перегруппировка борьбы за единство республики». Рупорами ОАС в печати стали бульварная газета «Le Parisien libéré», еженедельник «Carrefour» и другие издания. ОАС поддерживали зарубежные фашистские организации. В личных инструкциях Салана, данных Гарди 9 августа 1961 г., говорилось: «За границей я установил личные связи с симпатизирующими нам правительствами и кругами. Португалия остается весьма благосклонной к нашему делу. В Испании, где руководители государства и правительства в течение последних месяцев держались в отношении нас сдержанно, я отмечаю явный поворот в нашу пользу. В Италии руководители правых партий продолжают очень сочувственно относиться к нашей деятельности»⁵⁴. Вот уж поистине «скажи мне, кто твой друг...».

Итак, осенью 1961 г. ОАС переживала пору расцвета. Во Франции поверили публичному заявлению Салана от 9 октября о том, что к концу года он будет располагать «стотысячной вооруженной и дисциплинированной армией»⁵⁵. Однако с началом 1962 г. ситуация изменилась. Террор ОАС, возымевший свое действие в Алжире, оказался малоэффективным в метрополии, где под лозунгами антифашизма объединились все левые силы во главе с ФКП⁵⁶. Борьба французских коммунистов против фашистской опасности сопровождалась решительными требованиями прекращения войны в Алжире. Значительным событием явилась состоявшаяся в феврале 1961 г. в Женеве встреча делегаций профсоюзных объединений Франции (ВКТ, Французская конфедерация христианских трудящихся⁵⁷, Национальный союз студентов Франции (ЮНЕФ) и «Форс Увриер») и Алжира (Всеобщий союз алжирских трудящихся и Всеобщий союз алжирских студентов-мусульман). В заключительных документах встречи содержалось требование скорейшего окончания войны⁵⁸. Женевская встреча имела огромное морально-политическое значение. Она продемонстрировала солидарность трудящихся Франции и Алжира в оценке ими алжирской войны.

⁵⁰ Это письмо В. Бардо переслала для опубликования в журнал «L'Express», № 546 bis, 30.XI.1961, p. 8.

* Фамилия вымышленная.

⁵¹ Ibid.

⁵² «Le procès du général Raoul Salan», p. 401.

⁵³ J.-J. Susini. Op. cit., p. 181.

⁵⁴ «OAS parle», p. 37.

⁵⁵ J. Ferrandi. Op. cit., p. 206.

⁵⁶ О борьбе демократических сил Франции против фашизма и за прекращение алжирской войны см.: Ю. В. Щировский. Указ. соч.; Ю. М. Лебедев. Борьба Французской коммунистической партии против фашизма (1958—1962). М. 1964 (канд. диссертация); Б. Б. Ирмуханов. Борьба ВКТ Франции за единство действий профсоюзов в защиту непосредственных социально-экономических требований и демократические свободы (1958—1963). М. 1966 (канд. диссертация).

⁵⁷ С 1964 г. — Французская демократическая конфедерация труда.

⁵⁸ «France nouvelle», 22.II.1961.

Важным условием успеха антивоенной и антифашистской борьбы явилось достижение единства левых партий и профсоюзов, к которому настойчиво призывала ФКП. Только с 15 февраля по 31 марта 1961 г. по инициативе французских коммунистов в стране было создано 500 новых комитетов борьбы за мир в Алжире. Это свидетельствовало об усилившемся давлении народных масс на правительство. 2 августа 1961 г. было опубликовано совместное заявление ВКТ, ФКХТ, Федерации работников народного образования и ЮНЕФ, в котором говорилось об опасности нового заговора фашистско-колониалистской реакции и о необходимости его предотвращения⁵⁹. 17, 18 и 20 октября в Париже состоялись демонстрации арабского населения французской столицы. В них приняло участие 30 тыс. человек. 6 декабря по инициативе ФКП и движения сторонников мира был проведен Национальный день протеста против оасовского террора и продолжения колониальной войны. 19 декабря по призыву профессиональных союзов католиков, студентов и работников народного образования, поддержанному ФКП и СФИО, 11 млн. трудящихся провели 15-минутную забастовку под лозунгами отпора фашистским заговорщикам. В Париже и других городах были также проведены массовые демонстрации. Полиция разогнала парижскую демонстрацию, в результате свыше 100 чел. получили ранения.

ОАС попыталась перейти в контрнаступление. Она совершила ряд покушений на видных деятелей компартии, профсоюзов, движения сторонников мира, а также деятелей буржуазных партий, требовавших покончить с фашиствующими «ультра». Коммунисты давали решительный отпор террористам. Капитан Кюриче, руководитель оперативного отдела ОАС во Франции, признал на допросе: «Мы не могли не испытывать некоторой симпатии к этим молодым мужественным людям, которые защищали свои помещения (принадлежащие ФКП.— П. Ч.) одними кулаками»⁶⁰. По призыву ФКП, Объединенной социалистической партии, Национального союза студентов и левых профсоюзов 4 февраля началась национальная неделя борьбы против ОАС. 8 февраля в Париже была проведена демонстрация, вновь разогнанная полицией, применившей оружие. На этот раз погибло 8 демонстрантов, из них 7 были коммунистами. Действия властей вызвали взрыв возмущения у общественности. 13 февраля 0,5 млн. французов пришли на кладбище Пер-Лашез проводить погибших и потребовать прекращения войны в Алжире.

Встревоженное подъемом демократического движения, правительство изменило тактику. С целью успокоения общественного мнения оно предало гласности содержание франко-алжирских переговоров, а 7 марта приступило к завершающему туру открытых переговоров в Эвиане. Кроме того, исчерпав надежду спустить оасовское движение на тормозах, правительство повело наконец активную борьбу с «Секретной вооруженной организацией». Наряду с официальными действиями оно стало поощрять создание различных добровольческих, часто полулегальных антиоасовских ударных групп. К концу 1961 г. действовали: Комитет защиты республики, Защита Французской республики, секции анти-ОАС, Республиканская организация безопасности, Группа действия и сопротивления, Подпольная организация континента и другие. В начале 1962 г. все они объединились в Национальный совет защиты республики, провозгласивший своей целью «нанесение поражения ОАС»⁶¹.

В этой новой обстановке ОАС тоже изменила тактику. Она берет на вооружение опыт тотального террора и приступает к подготовке нового военного путча. Директива № 5 от 1 февраля 1962 г., подписанная Саланом, гласила: «Февраль будет решающим месяцем в достижении соглашения между французским правительством и Временным правительством Алжирской республики... В этой перспективе февраль должен бесспорно доказать всему миру, что ничто в Алжире не может быть осуществлено без нас и тем более против нас»⁶². Далее директива предписывала организациям ОАС в Алжире парализовать административную машину, создавая повсюду обстановку подлинного террора против гражданских и военных властей, а также в

⁵⁹ P. Vianson-Ponté. Histoire de la République Gaullienne. T. 1 : La fin d'une époque, mai 1958 — juillet 1962. P. 1970, p. 420.

⁶⁰ «OAS parle», p. 219.

⁶¹ «L'Organisation armée secrète». T. 1, p. 17.

⁶² «OAS parle», p. 179.

отношении «всех противников французского Алжира»⁶³. Салан приказал организовывать регулярные забастовки трудящихся, парализовывать связь Алжира с метрополией, похищать ведомственную корреспонденцию, грабить банки и пр. Он подчеркивал, что дает «зеленый свет всем акциям, какими бы они ни были»⁶⁴. Незадолго до подписания Эвианских соглашений он распорядился готовить вооруженное восстание в Алжире и Франции. «Объявленная дата прекращения огня будет выбрана как примерная дата начала новой фазы борьбы» (инструкция № 29 от 23 февраля); далее указывалось на необходимость немедленного «создания повстанческих зон в деревнях на основе сводных воинских подразделений и отрядов маки»⁶⁵. Руководителем вооруженного восстания в метрополии главнокомандующий ОАС назначил Шалья, побег которого из тюрьмы Тюль готовился спецгруппой ОАС⁶⁶. «Выбор даты восстания в метрополии, — писал Салан, — зависит от развития ситуации в Алжире. Но в любом случае метрополия должна действовать и координировать свои действия с открытым выступлением в Алжире»⁶⁷.

Подготавливая путч, ОАС развернула широкую пропагандистскую кампанию. В течение февраля она неоднократно обращалась в листовках и по радио к полицейским и молодежи, к офицерам армии и флота с призывами бойкотировать распоряжения правительства и вступать в ряды ОАС. В обращении к молодым французам ОАС, льстя самолюбию молодежи, утверждала, что Франция должна принадлежать «нам, молодым», а не «старикам», правящим ею в настоящее время. «Организуемся и будем готовы, когда настанет день, заменить гнусного старика, который ведет Францию к гибели!»⁶⁸. В считанные дни ОАС превратила города Алжира в места кровопролитных боев. Только за январь там было убито 555 чел. и ранено 990⁶⁹. ОАС начала практиковать тактику коллективных убийств по профессиям: чиновников, учителей, врачей. 15 марта 1962 г. вооруженный до зубов оасовец, проникнув в помещение Центра социального действия в г. Алжире (мусульманская общественная организация молодежи), заставил под дулом автомата выйти во двор 6 человек из оглашенного им списка и там расстрелял их⁷⁰. Та же участь постигла 18 марта шестерых алжирских фармацевтов.

Французский журналист Р. Бушар, побывавший в февральские дни 1962 г. в столице Алжира, рисует такую типичную для тех дней картину: «Улица Мишле в самом центре Алжира, 10 часов утра. По тротуару медленно прогуливается, разглядывая прохожих, молодой человек лет двадцати, европейского происхождения. Вот он увидел араба и быстро направился за ним. Приблизившись к нему вплотную, молодой оасовец вынул из-под рубашки пистолет и выстрелил в араба, который тут же замертво упал на тротуар. Убийца прячет оружие и направляется к новой жертве. На протяжении 200 м он убивает еще пятерых арабов и спокойно удаляется, не встретив никакого отпора со стороны прохожих, которые стараются не замечать происшедшего»⁷¹. Ширился террор и в метрополии. С 15 января по 11 февраля во Франции было совершено 107 террористических актов, из них 75 — в Парижском районе. Объектами террора являлись политические и партийные деятели различных взглядов и направлений. За весь период своей деятельности ОАС «пластикировала» 194 партийных активиста (среди них — 38 депутатов Национального собрания и 9 сенаторов), в том числе: 91 коммуниста, 59 голлистов, 11 социалистов, 4 радикалов и др. В разное время ОАС совершила покушения на многих сотрудников газет и журналов, по тем или иным причинам не угодивших ей своими публикациями, в том числе организовала 7 покушений на сотрудников «Le Monde», 5 — «Le Figaro», 4 — «L'Express», 5 — «France-Scir» и т. д.⁷².

⁶³ Ibid.

⁶⁴ J. F e r r a n d i. Op. cit., p. 255.

⁶⁵ «OAS parle», p. 173.

⁶⁶ Ibid., p. 177.

⁶⁷ Ibid., p. 178.

⁶⁸ Ibid., p. 230.

⁶⁹ Ibid., p. 162.

⁷⁰ «Le procès du général Raoul Salan», p. 134.

⁷¹ R. B u c h a r d. Op. cit. T. 2, p. 148.

⁷² «L'Organisation armée secrète». T. 2, pp. 76—87.

Однако, несмотря на свирепый террор и массовую пропаганду, шефы ОАС поняли, что они начинают терять почву под ногами. Переговоры в Эвиане близились к завершению. Общественное мнение во Франции было резко враждебно ОАС. Правительством усилено репрессии против этой организации. В руководстве ОАС возникли противоречия. Внешне они выглядели как разногласия между военными и штатскими руководителями, с разных позиций оценивавшими обстановку. Эти разногласия обнаружались, в частности, на совещании в штабе ОАС, состоявшемся в феврале в Эль-Биаре. Присутствовали Гард, полковник Водрэй, Дегельдр. Салан был представлен Сюзини. В то время, как Сюзини настаивал на широком вовлечении в борьбу широких масс алжирского населения, а также на налаживании сотрудничества между двумя алжирскими общинами — европейской и арабо-мусульманской, военные предлагали сконцентрировать внимание исключительно на армии и возражали против сотрудничества с мусульманской общиной. Едва Гард заговорил об армии, как Сюзини прервал его: «Армия всем осточертела. Она уже руководила нами трижды — 13 мая, 24 января и 22 апреля (даты военных путчей.— П. Ч.). Она развенчает себя и на этот раз. Отныне мы рассчитываем только на собственные силы. Мы не верим больше в добровольное выступление армии, но мы заставим ее выступить. Это часть нашего плана. Нужно понимать, что революционная война — это не окопная война»⁷³. Совещание закончилось безрезультатно. Военные отказались поддержать план Сюзини⁷⁴. В дальнейшем разногласия в руководстве ОАС усиливались по мере того, как она терпела провал за провалом.

Эвианские соглашения от 18 марта 1962 г.⁷⁵, положившие конец 8-летней кровавой войне и означавшие окончание 130-летнего колониального господства Франции в Алжире, перевернули последнюю страницу короткой, но кровавой истории «Секретной вооруженной организации». Основная задача ОАС тогда состояла в том, чтобы попытаться сорвать осуществление этих соглашений, что повлекло бы за собой возобновление войны. Руководители ОАС готовы были пойти даже на отрыв Алжира от метрополии и провозглашение «Независимой французской республики Алжир»⁷⁶. Срыв Эвианских соглашений осуществлялся по нескольким направлениям. ОАС предприняла попытку спровоцировать арабское население на антифранцузские выступления и нарушить тем самым распоряжение ФНО о соблюдении спокойствия. Для этого использовались все виды провокаций: обстрел арабских кварталов г. Алжира из минометов, убийство 3 апреля в больнице Бо-Фразье нескольких арабов, взрывы 2 мая автомашин, размещенных в местах скопления людей, серия убийств 7 мая арабских женщин и пр. Вторым направлением деятельности ОАС становится провокационные нападения на военнослужащих французской армии. Эти провокации часто выливались в кровопролитные бои между террористами и регулярными войсками. В одном из боев в алжирском квартале Баб эль-Уэд 23 марта было убито 35 и ранено 150 человек. Устраивая подобные провокации, их организаторы рассчитывали на то, чтобы «подтолкнуть армию принять решение», присоединившись к ОАС.

Третье направление тактики ОАС состояло в попытке создания очагов восстания, а впоследствии так называемых «территориальных зон» в провинции, где ОАС могла бы провозгласить создание «Независимой французской республики Алжир». 27 марта руководство ОАС санкционировало проведение операции по «освобождению территории» в районе Уарсени. При содействии управления железных дорог г. Алжира был сформирован и отправлен в Уарсени состав с несколькими сотнями вооруженных оасовцев, к которым присоединились уголовники и часть парашютистов с военно-воздушной базы в Блиде. После кратковременных успехов новоявленные «маки» были блокированы регулярными частями французской армии и понесли большие потери. К 8 апреля это выступление было подавлено. Оставшихся в живых арестова-

⁷³ R. Buchard. Op. cit. T. 2, p. 126.

⁷⁴ Ibid., p. 132.

⁷⁵ Их анализ дан Н. И. Кирей. Алжир и Франция, 1962—1971. (Проблемы экономических и политических отношений). М. 1973. Из работ французских авторов представляет интерес: S. Mougeaux. Les Accords d'Évian et l'avenir de la révolution algérienne. P. 1962.

⁷⁶ J. Ferrandi. Op. cit., p. 254.

ли. Руководитель операции майор Базен был убит. Капитан Ферранди записал: «Организация потеряла в этой операции самую значительную часть своих военных кадров»⁷⁷. После поражения в Уарсени Салан поручил Ферранди начать переговоры с морскими транспортными компаниями о перебазировании штаба ОАС в Португалию.

Французское правительство, обеспокоенное активизацией действий ОАС по срыву Эвианских соглашений, отдало распоряжение армии и специальным службам покончить с «Секретной вооруженной организацией». Конец марта и апрель принесли первые крупные успехи в борьбе с ОАС. 25 марта, производя обыск в одном из домов Орана в поисках подпольного радиопередатчика, полиция наткнулась на группу людей с сомнительными документами. Проверка обнаружила среди задержанных заместителя и преемника Салана, шефа оранской организации ОАС генерала Жуо. В начале апреля полиция нашла след Дегельдра, которому ранее неоднократно удавалось уходить от преследования благодаря имевшемуся у него удостоверению полицейского комиссара. От арестованных легионеров из «коммандос Дельта» полиция узнала фамилию, указанную в удостоверении Дегельдра, а также адрес на бульваре Телемли в алжирской столице, по которому он часто заходил. 7 апреля Дегельдр был схвачен.

20 апреля настал черед Салана, который все уже подготовил для бегства в Португалию. Ферранди зафрахтовал для этой цели небольшое судно — углевоз и раздобыл фальшивые документы, где Салан значился Л. Каррьером, администратором, проживающим в 18-м округе Парижа, а предусмотрительный генерал перевел на свой счет за границу 50 млн. франков. В разгар сборов связной сообщил Ферранди о прибытии из Парижа эмиссара с документами большой важности. Эмиссаром оказался некий Лавансо, потребовавший личной встречи с Саланом для передачи ему этих документов. На следующий день Салан принял его в доме по улице Дефон-тэн. Документы, предъявленные Лавансо, не заинтересовали генерала, а несвязная речь посланца насторожила его. Через пять минут Салан решил прервать аудиенцию. Ферранди успел заметить жандармов, окружавших дом, и устремился к своему шефу. Почувываясь недобро, Лавансо бросился к окну и закричал: «Сюда, он здесь!». Салан и Ферранди попытались воспользоваться запасным выходом, но тот оказался заблокированным. Генерал и его адъютант были арестованы⁷⁸.

Арест Салана имел серьезные последствия для «Секретной вооруженной организации». Всегда существовавшие между ее руководителями разногласия разгорелись с новой силой, тем более что преемником Салана на случай его ареста был назначен еще 1 апреля не кто-либо из членов штаба ОАС, а известный политикан Ж. Бидо. Бидо встал во главе учрежденного Саланом Национального совета сопротивления (НСС), который должен был продолжить дело ОАС в случае ее разгрома⁷⁹. Объектом острых противоречий в руководстве ОАС явился вопрос о дальнейшей ее тактике. В то время как часть членов штаба (Сюзини, Гард и др.) склонялась к переговорам с ФНО, другая часть, в том числе Гарди и Годар, возглавлявшие оранскую организацию, выступала за тактику «выжженной земли», чтобы «оставить Алжир таким, каким он был до нашего прихода» (в начале XIX в.). Эти расхождения в известной мере были продолжением старых разногласий между штатскими и военными. Если первые, представлявшие интересы «черноногих», заинтересованных в том, чтобы остаться в Алжире, настаивали на соглашении с ФНО, то вторые были одержимы идеей мести, а некоторые надеялись даже удержаться на прежних позициях⁸⁰. В то время, как Гарди и его сообщники засели в Оране, группа Сюзини вступила в переговоры с ФНО. Раскрывая смысл этих переговоров, Сюзини говорил, что в новой ситуации единственный способ удержаться в Алжире — выторговать у ФНО уступки и «заставить алжирцев считаться с нами как с достойными партнерами... Мы добьемся собственного Эвиана»⁸¹.

⁷⁷ Ibid., p. 281.

⁷⁸ F. Laroche. Salan devant l'opinion. P. 1963, p. 131.

⁷⁹ «OAS parle», p. 267.

⁸⁰ С апреля 1962 г. оранские оасовцы стали фактическими хозяевами города, устроив в Оране всю голлистскую администрацию.

⁸¹ A. Nicol. Op. cit., p. 189.

Переговоры завершились подписанием 17 июня соглашения, согласно которому ОАС признавала независимость Алжира и обязывалась прекратить террористическую деятельность в обмен на предоставление «черноногим» дополнительных гарантий. Однако соглашение просуществовало недолго. Оранские оасовцы и примкнувшие к ним остатки других групп, продолжая террор, сея смерть и разрушения, сами вынуждали европейцев, часто против их воли, покидать насиженные места из опасения мести со стороны арабов. Эта тактика получила поддержку эмигрантского руководства НСС, указывавшего в одной из директив: «Всюду, где территория не может быть удержана, всеми способами поощрять европейцев покидать ее и осуществлять тактику выжженной земли»⁸².

Между тем в последнем бастионе ОАС — Оране царили уныние и безнадежность. Журналист Р. Бюшар, сумевший пробраться в город и добиться приема у Гарди, так описывает свою встречу с ним: «На вилле генерала царит тягостная атмосфера. Чувствуется поражение. Мне даже кажется, что здесь готовятся к бегству... Экс-генерал Гарди в салоне. Но разве это он, этот изможденный старик с впалым, сморщенным лицом, находящийся, по-видимому, на грани нервной депрессии? ...Гарди смотрит на меня. Он, без сомнения, видит мое изумление. Экс-генерал вот-вот разрыдается. Входит человек. Он протягивает Гарди бумаги. Генерал встает, читает, обхватывает голову руками. Слышится стон. У меня такое впечатление, будто я присутствую на плохом фильме. «Я все потерял,— говорит Гарди.— Только что приговорен к смерти Дегельдр. Моя дочь была его любовницей. У нее несколько дней назад родился от него ребенок. Она пыталась покончить с собой. У моей жены рак; она обречена. Муж моей дочери в тюрьме. Мне же остается только сдохнуть под развалинами этого города». Лейтенант берет меня за руку и выводит из комнаты. Генерал даже не поднимает головы... Теперь я знаю, что это конец»⁸³.

Отчаявшись получить обещанную поддержку от частей Иностранного легиона, Гарди вступил в переговоры с генералом Катием, командующим войсками оранского сектора, по вопросу об эвакуации ОАС и получил согласие последнего. 5 июля остатки оранских оасовцев во главе с Гарди покинули город и на рыболовном судне направились к берегам Испании. Другие руководители «Секретной вооруженной организации» и активисты-оасовцы, смешавшись с массой «черноногих», в начале июля тоже покинули многострадальную землю Алжира. Часть из них выехала во Францию, где ушла в подполье, часть рассеялась по другим странам. В дальнейшем, несмотря на все попытки объединить разбитые силы ОАС и возродить деятельность организации, ничего серьезного из этого не получилось. Алжирские оасовцы, соединившись со своими «собратьями» в метрополии, примкнули к Национальному совету сопротивления, возглавленному Бидо и Сустелем, и получили нового руководителя — полковника Аргу. Аргу, правда, предпочитал не появляться во Франции и командовал своими подчиненными из-за границы до тех пор, пока не был похищен французской контрразведкой в Мюнхене в феврале 1963 г. и приговорен к пожизненному заключению⁸⁴.

Склеенная из осколков, новая ОАС была превращена в «военный» придаток НСС. Просуществовала она недолго, ибо к концу 1962 г. примерно 85% ее членов были выловлены и обезврежены. Последним крупным «делом» ОАС явилось неудачное покушение на де Голля 22 августа 1962 г. в Пети-Кламаре. Можно считать, что с этого времени ОАС практически прекратила свое существование. Эмигрировавшие руководители были больше озабочены поисками остатков финансовых фондов ОАС, переведенных в иностранные банки⁸⁵, нежели налаживанием подпольной работы, для ведения которой у них не было ни сил, ни возможностей, а главное — надежды на какой-либо успех.

⁸² «OAS parle», p. 272.

⁸³ R. B u c h a r d. Op. cit. T. 2, pp. 11—13.

⁸⁴ См. «L'affaire Argoud». P. 1964.

⁸⁵ По некоторым сведениям, Сюзини вывез с собой 1,2 млрд. франков. Свыше 200 чел. из ОАС и службы безопасности занимались его поисками. Однако теоретик ОАС был неуловим. В своем убежище он писал «Историю ОАС», которую опубликовал во Франции в 1963—1964 годах.

Подводя итоги столь же краткой, сколь и бесславной истории «Секретной вооруженной организации», нельзя не упомянуть еще об одном факте. После разгрома ОАС ее уцелевшие руководители и активисты (в частности Сюзини и Ферранди) в своих книгах предприняли попытки объяснить причины своего поражения. В перечне этих причин читатель может найти и малую численность организации, и политические разногласия в ее руководстве, и личное соперничество, и недисциплинированность с проистекавшей отсюда плохой управляемостью, наконец, отсутствие единой платформы. Все это действительно было свойственно «Секретной вооруженной организации». Но главная причина ее поражения лежит явно в другой плоскости. Обреченность деятельности ОАС проистекала из несостоятельности ее стремления остановить процесс национального освобождения Алжира, во-первых, и навязать стране с давними и прочными демократическими традициями, каковой является Франция, свою ультрареакционную идеологию с изрядной примесью фашизма, во-вторых. Решающая роль в разгроме ОАС принадлежала широким народным массам Алжира и Франции. В Алжире ОАС могла опираться лишь на «черноногих», в то время как подавляющая часть коренного населения страны враждебно относилась к оасовцам и активно поддерживала Фронт национального освобождения.

Твердая решимость алжирского народа идти по пути национальной независимости была продемонстрирована в ходе референдума 1 июля 1962 г. о самоопределении Алжира, в котором приняли участие 6 017 680 человек. 99,72% голосовавших высказались за независимый путь развития, и только 16 478 чел. проголосовали против⁸⁶. ОАС полностью потеряла возможность удержаться в Алжире. Именно после референдума 1 июля остатки оасовцев покинули Алжир. Во Франции, где массовая опора ОАС всегда была незначительной, мощное общественное движение сыграло заметную роль в ее быстром крахе. Широкое участие в антиоасовском движении всех республиканских партий и течений, от левых до центристских, создало вокруг «Секретной вооруженной организации» атмосферу моральной изоляции, предопределив во многом ее провал. Кроме того, небывалый со времен Народного фронта размах демократического движения вынудил правительство ускорить прекращение войны в Алжире и принять решительные меры против ОАС. Убедительным свидетельством политического краха «ультра» явились результаты референдума об одобрении Эвианских соглашений, проведенного во Франции 8 апреля 1962 г.: 90,6% голосовавших (17 508 607 чел.) сказали «да» прекращению войны, и только 9,3% (1 795 061 чел.) высказались против Эвианских соглашений⁸⁷.

Имеются все основания усомниться в том, что создатели ОАС всерьез надеялись на успех своего мероприятия. Сюзини, во всяком случае, пишет, что «с самого рождения ОАС была обречена на застой и бессилие, понимание чего владело умами ее кадров и духом европейского населения (Алжира)»⁸⁸. Тем более преступен авантюризм боссов ОАС и стоявшей за ними реакции, проливавших людскую кровь за дело, в победу которого не верили они сами.

⁸⁶ P. V i a n s s o n - P o n t é. Op. cit. T. I, p. 478.

⁸⁷ «Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1963 г.». М. 1963, стр. 254.

⁸⁸ J.-J. S u s i n i. Op. cit., p. 93.